

Во-первых, огонь - это исключительно сложно, а все остальное - невероятно легко; во-вторых, огонь - это средне, а движение - исключительно легко. Мне нужно будет поэкспериментировать с разными видами магии, прежде чем я смогу прийти к какому-то выводу. В любом случае, очевидно, что мне нужно что-то сделать, чтобы ограничить свою магию".

После нескольких экспериментов, трех потерянных камней и ушибленной головы Гарри добился определенного успеха. Все, что ему нужно было сделать, это указать, что он хочет, чтобы камень парил в двух дюймах над его ладонью. Для начала большая часть магии уходила на то, чтобы не дать камню улететь, а не на то, чтобы привести его в движение. Кроме того, казалось, что чем больше указаний он давал своей магии, тем больше ее расходовал.

Его новая обретенная сила принесла плоды почти сразу: достаточно было прикоснуться к сорняку, чтобы растение вырвалось из земли с корнями. Тогда он мог поднести руку к мешку и высвободить свою магию, сбросив сорняк. Хотя для работы магии ему требовалось прикоснуться к предмету, по какой-то необъяснимой причине он мог поддерживать левитацию без физического контакта.

Воодушевленный результатами практического применения левитации, Гарри попытался использовать вызов огня для столь же полезного эффекта. К сожалению, он узнал, что, хотя вызванный огонь не обжигает его, если он нагревает металлическую кастрюлю, сам металл все равно болит. Гарри смущало то, что он был уверен, что воздух вокруг огня тоже нагревается, только он остается невосприимчивым к этому жару.

Он быстро забыл о своих книгах и сосредоточился на обучении себя магии, как только мог. Каждый раз, когда он использовал свою магию, он чувствовал удовлетворение и завершенность, это было правильное чувство. Она исполняла желания, о которых он даже не подозревал, как первый глоток воды при обезвоживании или первый укус при голоде. Гарри не сразу понял, как он раньше жил без магии.

Несмотря на вновь обретенную радость от волшебства, он вскоре вернулся к своим книгам в поисках любого упоминания о магии, надеясь почерпнуть вдохновение на их страницах. С годами он стал проводить как можно больше времени за чтением книг, записывая все интересные способности и умения в украденную в школе тетрадь.

Затем, когда ему удавалось побыть одному, он пытался воспроизвести их. Если бы его не игнорировали всю жизнь, он мог бы пойти и с гордостью показать Дурслям свои магические способности, которые, в свою очередь, мгновенно отобрали бы у него книги и попытались искоренить его чудачества.

Но, узнав, что Дурслям нет до него никакого дела, Гарри даже не подумал рассказать им о своих магических занятиях, ведь они не проявляли никакого интереса к его школьным заданиям или книгам, так почему же они должны были хотеть увидеть, как работает его магия.

Благодаря тому, что Гарри регулярно тренировался и контролировал свою магию, он в конце концов достиг такого уровня, что для передачи магии ему достаточно было просто помахать рукой рядом с предметом, а не требовалось физического прикосновения. Как следствие, случайная, неконтролируемая магия, которая могла бы разозлить Дурслей, никогда не проявлялась.

Когда учитель расстраивал его, он чувствовал, как его магия инстинктивно поднимается, чтобы отомстить, но он сдерживал ее с помощью терпеливо нарабатываемого самоконтроля.

Мудрые наставники в его книгах всегда говорили своим ученикам, чтобы они не злоупотребляли своей магией, и он не хотел знать, что могут сделать Дурсли, если узнают, что он злоупотреблял своей магией в школе.

Дадли угрожал любому, кто заговаривал с Гарри, а сам мальчик предпочитал уединение в библиотеке. Никто в школе не старался быть дружелюбным к Гарри, поэтому он никогда не спрашивал об их магических занятиях, а если бы и спрашивал, то знал бы, что он уникален в своей школе. В любом случае, ему было приятнее читать, чем пытаться неловко разговаривать с учениками, сказал он себе.

Неудивительно, что Гарри Поттер, спаситель мира волшебников и мальчик-который-жил, четыре долгих года рос один, не имея ничего, кроме книг и магии. Со временем он понял, что никто больше не верит в то, что магия существует, а некоторые, например Дурсли, и вовсе отрицают возможность существования такой вещи.

Это мгновенно вызвало страх, что он одинок в этом мире, что делает его единственным в своем роде в его способности использовать магию. Этот страх усилился, когда его зрение постепенно улучшилось настолько, что он смог видеть магию. Это было постепенное изменение, которое происходило настолько медленно, что вы даже не осознавали, что это происходит.

Он понял, что это произошло, только когда левитировал стол с его пути, но увидел, что он окутан странным ярким зеленым свечением, которое, как он вскоре понял, было цветом его магии. Со временем он смог увидеть, как его магия перемещается внутри него самого, придавая ему слабые зеленые очертания.

В школе он был единственным человеком, у которого появилось такое свечение, а все остальные так и оставались пустым, как незачарованный предмет. Время от времени он замечал на улице людей с таким же свечением, как у него самого, и чаще всего они выглядели так, словно не совсем вписывались в окружающий мир. К сожалению, Петуния всегда старалась держать Дадли и Гарри подальше от них, поэтому у него никогда не было возможности поговорить с ними, однако он заметил, что их свечение часто было ярче, чем у него, и всегда отличалось по цвету или оттенку.

За это время Гарри узнал, что, когда он был явно расстроен или зол, Вернон запирает его в шкафу без книг. Однажды, когда он выступил против Дадли и его банды, они с огромным удовольствием повалили его на землю, а после возвращения в дом № 4 Петуния отобрала у него книги на целую неделю.

После этого Гарри держал свои эмоции под строгим замком, проведя большую часть школьной жизни в эмоционально нейтральном состоянии. Гарри просто полагал, что это часть взросления - скрывать свои эмоции и показывать другим только то, что ты хочешь, чтобы они видели, - ведь все взрослые, которых он встречал, поступали так же.

Однажды его терпение подверглось настоящему испытанию, когда Дадли взял одну из его библиотечных книг и разорвал ее пополам. Гарри сразу же захотелось вскочить и использовать свою магию на Дадли, чтобы причинить ему столько боли, чтобы он больше никогда не трогал его книги. Его магия была буквально на кончиках пальцев, готовая вырваться наружу, но он заставил себя остановиться и расслабиться. Он знал, что если отомстит Дадли, то будет наказан.

Вместо этого он лишь бросил мрачный взгляд на кузена и починил книгу с помощью своей магии. Позже он признал, что, возможно, ему следовало починить книгу наедине, так как

Дадли мог раскрыть использование Гарри магии. Однако по какой-то причине Дадли никогда не рассказывал родителям об этом инциденте, а также не пытался испортить его книгу, что считалось победой в книге Гарри.

К своему одиннадцатому дню рождения Гарри овладел искусством маскировки эмоций, а контроль над магией стал намного лучше. Именно благодаря этому контролю он наконец-то понял, как использовать свою магию, не требующую физической связи.

Он быстро понял, что из-за эмоций его магия дает непредсказуемые результаты, но когда он сдерживал эмоции, магию становилось легче контролировать и направлять, хотя поначалу ему было сложнее вывести магию на поверхность и контролировать ее без того, чтобы эмоции делали за него эту работу.

Казалось, что ему больше нечему учиться, пока он живёт у Дурслей, - для многих видов магии, которые он хотел попробовать, требовалось больше времени и пространства, а ни то, ни другое не было доступно ему под крышей и требованиями Дурслей. Так было до тех пор, пока однажды, за неделю до его одиннадцатого дня рождения, ему не пришло письмо.

Нельзя сказать, что получение письма было чем-то необычным - Гарри уже привык получать письма, чаще всего из библиотеки. Но это письмо не было одним из его обычных писем: библиотечные письма находились в тонких белых конвертах, а это был толстый чайно-коричневый конверт, запечатанный сургучом.

Кроме того, ни в одном из его обычных писем не упоминалось, где он спит, а это письмо было четко адресовано "мистеру Х. Поттеру, шкаф под лестницей, 4. Privet Drive, Little Whinging, Surrey". Несмотря на эту ненормальность, он сунул адресованные ему письма в шкаф, а остальные передал Вернону, после чего принялся готовить завтрак для Дурслей и свой собственный, гораздо меньший по размеру.

После того как они закончили есть, он вымыл посуду и смог вернуться к шкафу, открыв сначала письмо из библиотеки. Как он и ожидал, в нем сообщалось, что у него осталась неделя, чтобы вернуть свою стопку книг. "Отлично, теперь у меня есть повод сходить в библиотеку в свой день рождения", - взволнованно подумал Гарри.

Отложив письмо, он обратился к другому, таинственному письму с надписью "Хогвартс", и, сломав печать, увидел две страницы пергамента. Если у него и оставались какие-то сомнения, это доказывало, что письмо не из библиотеки, так как они никогда не смогли бы позволить себе бумагу такого качества. Нахмурившись, он принялся читать письмо... и приостановился... и перечитал его снова.

Прочитав несколько раз обе страницы от корки до корки, он издал счастливый вздох, не в силах сдержать ухмылку, расплывшуюся по лицу. Он был не одинок в этом мире, существовала школа для волшебников, и он собирался в нее поступить!

Но его надежды рухнули, когда Гарри понял, что для поступления в Хогвартс ему понадобится разрешение Дурслей, а он сомневался, что они согласятся. Он быстро начал планировать, что скажет, а затем тихо вышел из шкафа и передал письмо Петунии.

Сначала она только взглянула на него, отмахнувшись, что это какая-то школьная поездка, но потом, дважды взглянув на него, побелела от шока: "Вернон... Вернон, он получил "сами знаете что"".

"ЧТО?! Я думала, мы его заклеили! Они, должно быть, ошиблись, он прекратил это

чужачество много лет назад!" прорычал Вернон, его лицо стало ярко-красным.

Гарри стоял перед выбором: остаться и попытаться убедить их отпустить его в школу или бежать в безопасное место, но прежде чем он успел принять решение, Вернон повернулся к Гарри и пробормотал Петунии

"Ты же говорила, что в Хогвартсе уродов не бывает большую часть года?" На нерешительный кивок Петунии он продолжил: "Может быть... Может быть, это не так уж и плохо, тогда нам не придется возиться с ним почти девять месяцев. Не нужно будет кормить его или держать под ногами... Наверное, для этого его и построили, чтобы убрать его с дороги к нам, нормальным людям".

Дядя выглядел так, будто глубоко задумался, а Гарри он напоминал гориллу, которой приходится выбирать, какой банан съесть. Вернон начал что-то бормотать про себя, так тихо, что никто в комнате не мог расслышать его слов, но спустя, казалось, целую вечность он кивнул сам себе.

Повернувшись к Петунии, он сказал ей: "Завтра ты отвезешь его за тем, что они хотят, чтобы он съел, мы не можем допустить, чтобы они отправили его обратно. Потом мы решим, как он будет добираться до этого "Хогвартса"".

Петуния отвезла его в Лондон на следующее утро, дав ему возможность с жадностью заглядывать в витрины всех магазинов, мимо которых они проезжали, в надежде обнаружить магические принадлежности. Но как он ни старался, ему не удалось увидеть ни одного магазина, где продавались бы волшебные вещи, поэтому он повернулся к тете и спросил ее: "А ты сможешь купить все мои вещи в Лондоне?"

"Здесь неподалеку есть улица, которая предназначена исключительно для вашего народа", - ответила она с уродливой усмешкой на лице, как будто ей было больно говорить ему об этом. "Вы ищете вывеску с надписью "Дырявый котел"".

"О... ты уже бывал там?" поинтересовался Гарри.

"Один раз". Она пробормотала, выглядя потерянной в своих мыслях. В ответ Гарри решил, что лучше оставить ее в покое.

После еще нескольких минут неловкого молчания он наконец заметил знак, о котором она говорила. Следуя ее указаниям, он подвел ее к двери и взял за руку, открывая появившуюся дверь. Вместо магазина, как он ожидал, он оказался в оживленном, но непритязательном пабе, хотя, на его взгляд, более подходящим было бы слово "таверна".

Хотя он никогда не видел таверны в реальной жизни, описания в книгах полностью соответствовали этому зданию, даже старомодная одежда, в которую все были одеты. Пока он наблюдал за происходящим, Петуния подошла к стойке и обратилась к старику, стоявшему за ней: "Я ищу... дигонский переулок?" - неуверенно спросила она.

"А, вы маггл? Диагон-аллея, она вот здесь, если вы пойдете за мной", - любезно ответил он, ведя их в подсобку и постукивая по странному узору из кирпичей тем, что, несомненно, было волшебной палочкой. Было ясно, что он ввел какой-то код, так как кирпичи разошлись и образовали достаточно большой проем, чтобы Вернон и Дадли могли войти в него бок о бок.

Петуния, не теряя времени, пошла по улице, а Гарри хотелось только остановиться и поглазеть, как это делали другие дети, но из-за того, что тётя шла вперед, он был вынужден

следовать за ней. То небольшое, что ему удалось увидеть, поразило его: здесь были магазины, где продавалось все - от животных до палок для метлы. Каждый магазин был уникален и очарователен, и Гарри понял, что если бы у него был выбор, он бы никогда не покинул это волшебное место.

Отчасти это решение было связано с тем, что он никогда раньше не видел столько волшебных красок, каждый человек светился своим внутренним светом, и даже магазины ярко светились. К своему восторгу, он заметил, что иногда это свечение распространяется даже на самую улицу, образуя калейдоскоп красок. Такое количество цветов вместе должно было бы привести к беспорядку, но почему-то получилось.

Когда он обернулся к Петунии, она уже начала подниматься по ступенькам перед возвышающимся мраморным зданием, которое, как показалось Гарри, могло в любой момент опрокинуться. Здание было полностью покрыто суровым медным цветом, но свет от него струился и переливался, как вода, а не был просто неподвижным, и Гарри задумался, не означает ли тот факт, что свет был почти непрозрачным, что он был сильнее, чем в других магазинах.

Существа, стоявшие на страже перед дверями, напомнили ему гоблинов из некоторых книг, хотя выглядели они чище и больше походили на людей. Почти во всех книгах, которые он читал, говорилось, что гоблины - жадные и злобные существа, поэтому он решил, что рядом с ними стоит быть вежливым, но настороже. Даже если они и не были такими злыми, как написано в книге, то, если бы он их обидел, его бы точно выгнали.

Гоблины, работавшие за прилавками, были практически идентичны гоблинам, стоявшим на страже снаружи, с той лишь разницей, что одеты они были не в сверкающие доспехи, а в нарядные костюмы и пересчитывали кучи золотых монет.

Несмотря на угрозу, которую они представляли, Петуния без колебаний подошла к ближайшему прилавку и зашипела на гоблина: "Я хочу перевести немного денег в вашу волшебную валюту для моего племянника".

Гоблин приостановил подсчеты и наклонился вперед так, чтобы смотреть на Гарри и Петунию. Сказать, что гоблин выглядел раздраженным, было бы преуменьшением, что вполне понятно, учитывая, что тетя прервала его работу. Гарри знал, что если бы кто-то прервал его работу, чтобы приказывать ему, он бы тоже был не в лучшем настроении.

"Вы должны знать, что курс пересчета составляет... восемь ваших фунтов стерлингов за галеон", - осторожно сказал ей гоблин, словно оценивая, как она отреагирует.

"Когда я была здесь в последний раз, за каждый галеон давали пять фунтов, и это, кажется, очень большая разница!" - жестко сказала она.

"Времена изменились, моя дорогая. Мне очень жаль, но я ничего не могу с этим поделать". Несмотря на его слова, Гарри не показалось, что гоблин сожалеет, но, возможно, гоблины считали извинениями именно зубастую ухмылку: "Или скажи мне, сколько ты хочешь за конвертацию, или иди трать чужое время", - ответил гоблин, усаживаясь на свой табурет и самодовольно улыбаясь.